

казалась и вторая половина избы Савостьяновых.

Кутузов сидел не за столом, а на отдельной табуретке рядом с печкой. Главнокомандующий погрузился в думки, ни на кого не глядел. Со стороны могло показаться, будто присутствовал на похоронах близкого родственника и в ожидании выноса покойника горько переживал случившееся.

К Кутузову подходили генералы, о чём-то докладывали вполголоса, но главнокомандующий казался ко всему безразличным.

Военный совет в Филях он считал бессмысленным, пустой тратой времени, всё было решено там, на Бородинском поле, а быть может, и раньше. Просто светлейшему хотелось уточнить позицию каждого военачальника, есть ли среди них благоразумные, для которых Отечество прежде всего, а уж потом чины и награды. Но, как бы там ни было, что бы там ни говорили, в том числе и в Петербурге при дворе, Москву придётся сдать. Для Кутузова был страшен не сам факт сдачи Первопрестольной, а его обнародование. Кутузова могут, как и Барклая после сдачи им Смоленска, обвинить в предательстве, но что он мог сделать при сложившихся обстоятельствах? Погубить ещё боеспособную армию означало погубить Россию.

Малаша, внучка Савостьянова, оставшаяся в избе одна (родители и дедушка Андрей ушли в другую половину хаты), забравшись на печку и осмелев, отдернула ситчиковую ширму, высунула белокурую головёнку, похожую на одуванчик, глядела то на Кутузова, теребившего стоячий воротник мундира, словно ему было жарко, то на генералов, печалила лицо. Царившая в избе тревога передалась и ей, какая-то большая, непоправимая беда надвигалась на родные Фили, что-то должно произойти страшное, но что, она ещё своим детским умишком не сознавала...

Сегодня утром Малаша ходила с дедушкой Андреем в церковь, вместе с ним забралась на колокольню, тревожно вглядываясь туда, откуда доносились выстрелы пушек и где в размытой расстойке дали маячили конные и пешие воины, а по сельской улице двигались и двигались фуры, гружённые овсом, сеном, ядрами и провиантом.

— Дедушка, — приставала Малаша к Савостьянову, — куда они едут, не на ярмарку ли?

Странно и непонятно девочке. Почему везут пушки и круглые шары? На ярмарке пушек не продавали.

Андрея Савостьянова обуревали другие мысли и заботы: сегодня-завтра сюда могут нагрянуть французы, встреча с которыми не сулит ничего хорошего. До нитки оберут и ещё спялят хату. Как ни горько, но придётся зайти где-нибудь в лесу на время, о чём Савостьянов уже толковал с деревенскими. Пусть французы не рассчитывают на поживу: что можно, Андрей сожжёт, а остальное вывезет на повозке.

Малаша вспомнила о куске сахара, которым угостил её Кутузов во время утреннего чаепития. Она нащупала бумагу, в которую был завернут подарок, отколупнула кусочек сахара и с наслаждением стала сосать.

По тому почтению, с которым обращались к Кутузову генералы, выражению их глаз, жестам и поклонам, Малаша определила, что он тут главный. Вон сколько наград! Ей было приятно, когда после чаепития дедушка Миша

поднял её на руки, и она, доверчиво прижавшись к нему, коснулась щекой его боевых наград, от которых струился холодок. В сладкой истоме забилося сердце.

— Как зовут, деточка? — посадил девочку на колени Михаил Илларионович.

— Малаша.

— Славное у тебя имя, голубушка, русское! А у меня внук есть. Ну, расти большой, — Кутузов осторожно опустил девочку на пол.

Малаша рассказала дедушке Мише, что в свои шесть лет уже многому научилась: подметать пол, в прятки играть, корову пасти.

— А доить?

— Мамка не разрешает. Мала ещё, говорит.

— О-о, много! А я вот только воевать могу, — покивал седой головой Кутузов.

Малаше было жаль его. Вон как трудно дышит, простыл, наверное. А ну-ка, целый день поезди на коне! И вечером бумаги какие-то перебирает. На печке бы ему полежать, она любую хворь вылечит.

Вот подставит она Кутузову табуретку, поможет забраться на печку. Под полушубком Малаша будет слушать страшные дедушкины сказки о войне. Потом вместе с матерью подложат в печной зев березовые поленья, дедушка Миша повеселеет, перестанет кашлять и скажет: «А давай-ка, Малаш, чай пить».

Девочка перевела взгляд в святой угол, где восседал в полурасстёгнутом мундире высокий дядя с покатым лбом, переходившим в длинную лысину, обрамлённую у зауший седыми прядями волос и аккуратно подстриженными бакенбардами. Лысина скорее всего от думок: армией командовать, говорил ей вчера дедушка Андрей, — нешуточное дело.

Чудная какая-то фамилия у него, такой нет в их деревне. А вот имя и отчество простые — Михаил Богданович. Тоже, видно, нездоров, простыл, тоже кашляет. Ему бы полежать на печке.

Малаша повернула головёнку, осмотрела местечко, где положит Барклая рядом с Кутузовым, да маловата оказалась печка.

Скрипнула сенечная дверь, в избу вошёл человек в генеральском мундире, генерал от кавалерии барон Беннигсен, участник ещё екатеринских войн. Он важно снял перчатки, сухо поздоровался кивком головы и прошёл к столу:

— Задержался. Ездил на осмотр позиций.

Беннигсен врал. Пока его ожидали генералы, Леонтий Леонтиевич, вкусно пообедав, успел ещё малость вздремнуть.

Кутузов встал и, разминая затекшие ноги, неохотно пошёл к столу.

— Будем начинать, господа генералы. Вопрос, который я хочу с вами обсудить: принимать ли новое сражение или же отступить через Москву, оставя город Наполеону? Начинайте, Михаил Богданович.

— Армия наша, — сказал Барклай простуженным голосом, — понесла большие потери. Нет Багратиона, братьев Тучковых, начальника нашей славной артиллерии Кутайсова. Я полагаю, что на занимаемой нами позиции нельзя начинать сражение. Единственное средство спасти Оте-